

Важнейшие элементы советской теории этноса: перспективы использования в современных теориях этничности

Б. Е. Винер*

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В продолжение прошлой публикации автора о советской теории этноса рассматриваются такие элементы этой теории, как этнические процессы, этническое самосознание и таксономические уровни этнических общностей. Обращается внимание на то, что представления российских этнологов о философских позициях относительно существования социальных общностей, или больших социальных групп, ограничивается дихотомией конструктивизма-позитивизма. Подчеркивается, что в то же время в последние десятилетия в англоязычной философии и социальных науках интенсивно разрабатывается альтернативная двум названным подходам критико-реалистская теория. Предложено рассматривать проблему этничности в рамках критического реализма, используя при этом апробированные временем элементы теории этноса.

Ключевые слова: история этнологии, теория этноса, этничность.

Для цитирования: Винер Б. Е. Важнейшие элементы советской теории этноса: перспективы использования в современных теориях этничности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 45. С. 77–92. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.45.77>

Most Important Elements of the Soviet Theory of *Ethnos*: Prospects for Use in Modern Theories of Ethnicity

B. E. Wiener*

Sociological Institute RAS – a Branch of the Federal Research Sociological Center RAS, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. This paper continues the author's previous publication on the Soviet theory of *ethnos*, considering such elements of this theory as ethnic processes, ethnic self-consciousness, and taxonomic levels of ethnic communities. The paper draws an attention to the fact that the ideas of Russian ethnologists about the philosophical positions regarding the existence of social communities (or large social groups) are limited by the constructivism-positivism dichotomy. Moreover, most of these ethnologists adopt a constructivist position, and some of them deny the very reality of ethnic communities. At the same time, in recent decades, English-speaking philosophers and social scientists have been intensively developing critical-realist theory as an alternative to the two named approaches. The paper offers to consider the problem of ethnicity within the framework of critical realism, using the time-tested elements of the theory of *ethnos*, such as the abovementioned ethnic processes, self-consciousness (or ethnic identity), and the concept of taxonomic levels of ethnic communities. Simultaneously one should bear in mind that the theory of *ethnos* itself is not without major drawbacks. From the author's point of view, the main weaknesses in this theory are attempts to tie the typology of ethnic communities to the historical stages in the development of society, and more specifically to Marx's socio-economic formations; to tie rigidly the group characteristics of *ethnos* to its cultural characteristics, including language; and to remove agency from the framework of this theory, while maintaining structural (in this case, belonging to a group) and cultural components of the theory of *ethnos*. The use of a critical-realist approach in relation to ethnicity allows us to assert that the removal of ethnic self-identifications from the theoretical model of *ethnos* leads to the destruction of this model and to the perception of ethnic communities as sets of individuals who are united together by researchers for very different reasons. An ethnologist should conclude that the group is an *ethnos*, and not some other type of a group, if the majority of its members have a self-identification that coincides with the self-identification of their parents, even when this group consists of representatives of different social strata, has different occupations, native languages, citizenships, and confessions or live dispersed in remote areas.

Keywords: history of ethnology, theory of *ethnos*, ethnicity.

For citation: Wiener B. E. Most Important Elements of the Soviet Theory of *Ethnos*: Prospects for Use in Modern Theories of Ethnicity. *Bulletin of the Irkutsk State University. Gearchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2023, Vol. 45, pp. 77–92. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.45.77> (in Russ.)

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full author information.

Введение

В предыдущей статье [Винер, 2022] автором было предложено взглянуть на советскую теорию этноса, принимая во внимание знания, накопленные наукой с рубежа 1980–1990-х гг. Три десятилетия назад в российской этнологии наметилась и получила заметное развитие тенденция отрицать реальность существования этноса. Закреплению этой тенденции способствовало то, что ее приверженцами выступают, в частности, директор Института этнологии и антропологии РАН в 1989–2015 гг. В. А. Тишков [2003] и главный редактор журнала «Этнографическое обозрение» в 2004–2022 гг. (с небольшим перерывом) С. В. Соколовский [1994]. В социальной науке отрицание реальности существования больших социальных групп, к коим относятся и этносы, принято связывать с философским и социологическим конструктивизмом. Канадский философ науки Я. Хэкинг относит появление термина *social constructionism / social constructivism / social constructionalism* к публикации в 1967 г. книги социологов-феноменологов [Бергер, Лукман, 1995] о социальном конструировании реальности [Hacking, 1999]¹. В современной этнологии преобладает склонность противопоставлять конструктивизму позитивистскую традицию и принято утверждать, что противники конструктивизма являются позитивистами, имеющими склонность рассматривать этносы в качестве особых организмов [напр., Соколовский, 2009, с. 252]².

При этом либо замалчивается, либо просто игнорируется, что у современно-го конструктивизма, кроме (нео)позитивизма, есть и другая альтернатива – критический реализм³. Позитивизм в социальных науках в том виде, в каком он нам известен сегодня, ведет свое происхождение от Э. Дюркгейма, который стремился приблизить социальные науки по силе своей доказательности к естественным и решительно выступал против того, чтобы видеть за прямо наблюдаемыми явлениями какие-то ненаблюдаемые сущности. Внимание Э. Дюркгейма было направлено на описание нематериальных социальных фактов, к которым он относит «способы мышления, деятельности и чувствования, внешние по отношению к индивидууму и наделенные принудительной силой, вследствие которой они этим индивидуумом управляют» [Дюркгейм, 2021, с. 18]. В современной социологии социальные факты понимаются как нормы и ценности или более

¹ Правда, сами П. Бергер и Т. Лукман не отрицали реальности больших социальных групп и не утверждали, что они являются всего лишь представлениями людей о строении общества. Конструированию они противопоставляли процесс хабиутализации (опривычивания) [Бергер, Лукман, 1995, с. 89–95, 211–212]. Подавляющее большинство людей усваивает представление о своей этнической принадлежности как раз благодаря этому процессу.

² Сторонники конструктивизма в российской этнологии уже несколько десятилетий пытаются монополизировать теоретическое осмысление этнических феноменов. Самопозиционирование ученого в качестве неконструктивиста может повлечь за собой обвинения в ретроградстве и препятствовать принятию журналом его статьи для публикации. Однако уже намечается тенденция, когда авторитетные исследователи начинают говорить о том, что группа может сохранять свою старую идентичность, несмотря на усилия элит изменить эту идентичность. Такая ситуация сложилась, например, в случае с астраханскими туркменами, которых ретивые бюрократы пытались «превратить» в татар [Брусина, 2022, с. 187].

³ Видимо, в России многие исследователи вообще не подозревают о том, что у конструктивизма и позитивизма может быть альтернатива. Во всяком случае, так было полтора десятка лет тому назад. Тогда С. В. Соколовский отождествлял позитивизм с марксизмом, а в попытках синтеза разных социально-научных подходов видел исключительно эклектику [Соколовский, 2005, с. 147]. К сожалению, возможность полноценной дискуссии с этим автором существенно затруднена из-за его манеры письма, когда он представляет какие-то собственные мысли в качестве общеизвестных теоретических положений, не затрудняясь приведением ссылок на соответствующие источники.

широко как культура⁴ [Ritzer, 1996], и эти феномены могут изучаться путем прямого наблюдения либо опросными методами. Позитивисты описывают связь между явлениями с помощью теорий в виде описания экспериментально обнаруженных корреляций. Причем, как подчеркивают социологи Г. Шёберь и Р. Нетт, позитивисты считают такую исследовательскую логику общей для естественных и социальных наук [Sjoberg, Nett, 1968, p. 7]. К тому же позитивизм не принимает во внимание принципиальные методологические различия между естественными и социальными науками, делая акцент на *причинном объяснении*⁵ и не учитывая *понимания* людьми ситуаций и человеческих действий [Potter, López, 2001, p. 8].

В отличие от позитивизма, критический реализм (движение в философии и социальных науках, обязанное своим появлением на свет, прежде всего, британскому философу науки Р. Бхаскару [Bhaskar, 1975]) настаивает, что закон природы – не просто универсальная эмпирическая закономерность, а «описание механизма, существующего как свойство в реальности, но наблюдаемые эффекты которого сильно различаются в зависимости от конкретных обстоятельств»; при этом закон анализируется как тенденция [Explaining Society ... , 2001, p. 74–75]. Суть критического реализма состоит как раз в том, что исследователи от описания явлений переходят к описанию и объяснению их механизмов, и это связано с представлением о том, «что мир структурирован, дифференцирован, стратифицирован и изменяем» [Там же, p. 5]. Данные положения распространяются и на мир природы, и на общество. Политолог Р. Кит и социолог Дж. Арри подчеркивают, что для позитивистов модели и аналогии – чисто эвристические категории, реалисты же «считают модели и аналогии существенной частью теорий, которые помогают представить ненаблюдаемые структуры и механизмы» [Keat, Urry, 1975, p. 26].

Исследователей общества, стоящих на реалистских позициях, интересуют именно социальные структуры и группы как составная часть структур. Разработчики советской теории этноса считали этнос группой, а не просто набором индивидов, разделяющих какие-то культурные характеристики⁶. Представление об этносе как устойчивой социальной группе объединяет основные составные части теории этноса, среди которых мы различаем следующие: 1) наиболее общие проблемы теории этноса, 2) теорию этнических процессов, 3) теорию этнического самосознания и 4) теорию таксономических уровней этнических общностей. Первый из перечисленных компонентов теории этноса рассмотрен нами в названной выше статье. В данной работе остановимся на трех остальных составных частях теории этноса, причем по ходу изложения своих мыслей будем иметь в виду, что смотрим на них с позиций критического реализма. Наконец, будет сделана попытка показать, что ряд важнейших идей из теории этноса вполне совместим с критико-реалистским подходом к обществу.

⁴ В социологии культура понимается более узко, чем в антропологии/этнологии, и противопоставляется природе (nature), социальной структуре и агентности.

⁵ Под причинностью здесь подразумевается только статистическая причинность, для выявления которой исследуются корреляции между тем, как изменения величин независимых переменных влияют на изменения зависимых переменных.

⁶ В данной статье мы не останавливаемся на разборе ошибочной, с нашей точки зрения, концепции Р. Брубейкера о возможности этничности без групповой принадлежности [Брубейкер, 2012, с. 22–60]. С критикой некоторых положений теории этого социолога можно познакомиться в ряде работ [напр., Jenkins, 2008; Ruane, Todd, 2004].

Этнические процессы

Понятие «этнические процессы» отражает изменение специфики этнических общностей, будь то в материальной или духовной культуре или в этнической идентичности их членов, вплоть до смены этнической самоидентификации. В середине XX в. в СССР, в связи с развитием этнической статистики и этнической картографии, понадобилась терминология для дифференциации таких процессов. В 1949 г. поставлен вопрос о скрещивании и разветвлении народов [Токарев, 1949]. Впоследствии эти термины заменялись и уточнялись разными исследователями.

Очень много для разработки типологии этнических процессов и соответствующей терминологии сделал В. И. Козлов. Он начинал свою научную деятельность с изучения мордвы и пришел к выводу, что изменение численности этого народа определяется не только демографическими, но и этническими процессами, которые заключаются в переходе «групп населения из одной этнической общности в другую». Первоначально В. И. Козлов предложил различать два процесса: консолидацию, при которой несколько этнических единиц (народов или частей народов) сливаются в одну общность, и ассимиляцию, когда «отдельные представители или группы какого-либо народа, находясь в длительном общении с другим народом, утрачивают свои особенности в области национальной культуры и быта, усваивают культуру другого народа, воспринимают его язык и перестают считать себя принадлежащими к прежней этнической общности» [Козлов, 1961, с. 58–60].

Послесталинское время в значительной степени характеризуется тем, что СССР стал более открыт западным идеям. Стало возможным активно ссылаться на работы западных исследователей, вступать в подлинную научную полемику. Был опубликован сборник об исследованиях американских этнографов. В нем советский читатель встречает уже известные ему термины «этнические процессы», «этническая группа», «ассимиляция», но также знакомится с понятием «аккультурация» и описанием особенностей этнических процессов в современной Северной Америке [Современная американская ... , 1963]⁷.

Вскоре В. И. Козлов приходит к выводу, что американские исследователи не правы, ограничившись лишь изучением объединительных этнических процессов и упуская из внимания разделительные процессы [Козлов, 1968, с. 97–98]. Эта же идея развивается в его следующей статье [Козлов, 1969а]. В 1969 г. В. И. Козлов издает монографию, включающую специальную главу об этнических процессах, где развивает понятия, введенные им ранее. Здесь же автор подробно описывает уже известные и новые для читателя понятия из англоязычной литературы, такие как «аккомодация», «адаптация», «аккультурация», «европеизация», «ассимиляция», «интеграция», «амальгамация» [Козлов, 1969б, с. 267–269].

⁷ В англоязычной науке также имелись интересные предложения. Например, правовед и политолог Д. Хоровитц предлагал различать в ассимиляционном процессе амальгамацию, когда две группы сливаются в одну, отличающуюся своей идентичностью от обеих родительских групп, и инкорпорацию, в ходе которой одна группа поглощается другой. Д. Хоровитц также отмечает возможность формирования новых этнических групп в ходе дифференциации: разделение, ведущее к распаду старой группы на несколько новых, и пролиферацию, заключающуюся в отпочковании новой группы от родительской [Hogovitz, 1975, p. 115–116]. Социолог и демограф У. Петерсен называет такие пути формирования этнических групп, как миграция (отрыв части людей от материнской общности и переселение в другое государство), консолидация (возникновение в США общности с общим индейским самосознанием из множества групп индейцев), продвижение (норвежцы из диалектной группы превратились в группу со своим самостоятельным языком), схизма (происходит выделение людей в самостоятельную группу за счет принятия новой религии, как это произошло у мормонов), скрещивание рас (цветные в ЮАР) [Petersen, 1980, p. 240–241]. Однако англоязычной науке не удалось выработать какую-либо более или менее общепризнанную типологию этнических процессов.

В полемику с В. И. Козловым вступила опытный полевик Л. В. Хомич. Ее не устраивало, что В. И. Козлов в это время считал этническими процессами лишь этнотрансформационные, т. е. ведущие к смене этнической принадлежности [Хомич, 1969, с. 82]. Много лет наблюдая за ненцами и соседними народами, Л. В. Хомич видела, как быстро меняются реалии их жизни при параллельном укреплении этнического самосознания и сохранении ориентации негородских семей на традиционные виды деятельности.

В следующем, 1970 г. Ю. В. Бромлей высказал мысль, что этнобъединительные процессы подразделяются на консолидацию, ассимиляцию и интеграцию. «Под этнической или, точнее, этнополитической интеграцией нами понимается процесс взаимодействия этнических единиц – народностей и наций – внутри одного государства, ведущий к постепенному их слиянию в единый народ...» [Бромлей, 1970, с. 7]. Но он упустил из виду, что слияние в ходе интеграции происходит очень постепенно, растягиваясь на многие поколения, и прямо не ведет к смене этнического самосознания. То есть интеграция сама по себе не относится к этнотрансформационным процессам.

Исследователь Северо-Восточной Сибири И. С. Гурвич посчитал недостаточным сведение этнических процессов исключительно к ассимиляции и консолидации. Он попытался внести элемент исторической стадильности в типологию этнических процессов, различая этнические процессы у народов, оформившихся в нации еще в досоциалистическую эпоху, у народов, ставших нациями при социализме, и у социалистических народностей. Помимо этого, он отмечал, что в масштабах всего СССР происходит межэтническая интеграция (сближение) народов [Гурвич, 1972, с. 17]. Вопрос о необходимости учета стадильности в типологии этнических процессов представляется достаточно спорным. Но здесь привлекает внимание то, что И. С. Гурвич обращает внимание на межэтническую интеграцию и преобразования внутри наций, т. е. процессы, которые сами по себе не меняют этническую самоидентификацию людей.

К вопросу важности различения этнических процессов, связанных со сменой этнического самосознания или не имеющих прямого отношения к такой смене, Ю. В. Бромлей вместе с В. И. Козловым возвращаются в коллективной монографии об этнических процессах в СССР, и здесь уже вводятся термины «этнотрансформационные и этноэволюционные процессы» [Бромлей, Козлов, 1977, с. 17–18]. В монографии также рассматриваются конкретные проявления этнических процессов и их различные аспекты у советских народов [Современные этнические ... , 1977].

Позже Ю. В. Бромлей продолжил работу по уточнению терминологии, предлагая считать формирование современных немцев и итальянцев из региональных групп не просто консолидацией, а «межэтнической (этногенетической) консолидацией»⁸ [Бромлей, 1981б, с. 281]. В последовавшей монографии он доводит число этнотрансформационных процессов до четырех: этногенетическая

⁸ Имплицитно такое предложение Ю. В. Бромлея по отношению к немцам и итальянцам предполагает, что группы, вошедшие в их состав (баварцы, саксонцы, франконцы, швабы, тирольцы, тосканцы, ломбардцы, генуэзцы и др.), были самостоятельными этносами, а не некоторыми аморфными собраниями людей с неопределяемым этническим самосознанием. Правда, такому предположению противоречит то, что Ю. В. Бромлей относит к этнической парциации появление немцев и австрийцев [Бромлей, 1983а, с. 236]. В этом случае непонятно, как же назывался тот этнос, из которого они выделились? Если же это был не этнос, а нечто другое, то при чем здесь парциация? Полагаю, что взгляд на раннесредневековые германские этнические группы как на отдельные этносы в значительной степени может подкрепляться позицией медиевиста Н. Ф. Колесниченко [Колесницкий, 1978].

парциация, этногенетическая сепарация, этногенетическая консолидация, этногенетическая миксация. Ассимиляцию он не включил в перечень, поскольку она является этнотрансформационным процессом лишь для ассимилируемого этноса, а для ассимилирующего – это просто часть эволюционного процесса [Бромлей, 1983б, с. 240–241]. Вскоре этот список дополнился термином «этническая конверсация», как было предложено называть разновидность ассимиляции, при которой взаимодействуют представители родственных народов. Данный процесс имеет сходство с консолидацией групп внутри одного народа [Бромлей, 1985, с. 7].

Подведением итогов теоретического рассмотрения Ю. В. Бромлеем этнических процессов стали две книги [Бромлей, 1987; Этнические процессы ... , 1987], в которых уже ничего не добавлялось к типологии этих процессов, но зато приводится много конкретного материала об особенностях их протекания в разных регионах мира.

Этническое самосознание

Центральным сюжетом для понимания феномена этноса в целом и для понимания процессов, происходящих с этносом, по нашему мнению, является этническое самосознание в широком и узком смысле [Козлов, 1974, с. 83–84; Бромлей, 1981б, с. 15]⁹. Этническая идентичность является одной из разновидностей в большом перечне социальных идентичностей.

Если П. И. Кушнер еще пользуется формой «национальное самосознание» [Кушнер, 1951], то в 1964 г. Н. Н. Чебоксаров уже предпочел термин «этническое самосознание», что позволяло говорить о самосознании у этнических общностей на всем протяжении человеческой истории. Он также высказывает свежую идею о том, что этническое самосознание является результирующей всех признаков, составляющих этническую общность [Чебоксаров 1964, с. 5]. Вскоре В. И. Козлов помещает самосознание на первое место в перечне признаков этнической общности [Козлов, 1967, с. 111].

В рамках развернувшейся дискуссии об этнической общности философ Г. В. Шелепов сформулировал положение о том, что «главным структурным элементом этнического самосознания является сознание людьми своей этнической принадлежности». Такое самосознание отражает общность происхождения народа [Шелепов, 1968, с. 72]. Здесь просматривается определенная переключка с определением этнической группы М. Вебером [2017]. Трудно сказать, пришел ли Г. В. Шелепов к этой мысли самостоятельно или взял подсказку у М. Вебера.

В дальнейшем В. И. Козлов заявляет, что этническое самосознание отличается от общности психического склада народа и вообще ставит под сомнение существование последнего феномена [Козлов, 1969б, с. 48]. Через несколько лет он разъясняет в чем преимущество понятия «этническое самосознание» перед термином «общность психического склада»: этническое (национальное) сознание скорее разъединяет членов этноса, поскольку этнос включает представителей разных классов с разным самосознанием [Козлов, 1974, с. 84–87]. «В отличие от понятий “этнического сознания” и “психического склада” этническое самосознание

⁹ Русское понятие «этническое самосознание» в широком смысле в основном соответствует понятию «этническая идентичность», а «этническое самосознание» в узком смысле – понятию «этническая самоидентификация», разработавшемуся британским психологом Генри Теддфелом и его последователями [Turner, 1982, p. 15; Hogg, Abrams, 1988, p. 3, 24–25].

в принятом нами значении этого термина не имеет разъединяющих элементов, что и позволяет ему играть этнообъединяющую роль» [Козлов, 1974, с. 85].

Ю. В. Бромлей предложил перечень компонентов этнического самосознания: осознание собственной этнической принадлежности, этнические автостереотипы, межэтнические установки; а также высказал мысль о его связи с понятием «этническое сознание», которое, по его мнению, нуждалось в дальнейшей разработке [Бромлей, 1973, с. 97]. М. В. Крюков также не сводит самосознание только к осознанию собственной принадлежности. Он пересматривает внесенное Г. В. Шелеповым предложение привязать этническое самосознание к представлению об общности происхождения, показывая на китайском материале, что со временем представление о последнем заменяется представлением об общности культуры у людей, составляющих этнос [Крюков, 1976, с. 60].

В 1970-е гг. к изучению этнической идентичности подключаются советские исследователи, получившие не только историческое или востоковедное, но и психологическое образование. Социальный психолог по университетскому диплому Г. В. Старовойтова защитила кандидатскую диссертацию о татарской этнической группе в Ленинграде, и тогда же вышла ее статья о психологических особенностях горожан в Татарии, в которой она пытается связать этнос с элементами групповой психологии: «Индикаторы этнического сознания: этническая самоидентификация, представление об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, представление о так называемом “национальном характере”, а также об общности черт внешнего облика этнофоров и др. Косвенными эмпирическими индикаторами этнического сознания могут выступать некоторые элементы традиционной национальной культуры (национальные праздники, обычаи, обряды), язык, ориентации в межэтническом общении и др.» [Старовойтова, 1976, с. 45].

А в 1983 г. уже развернулась большая дискуссия об этнической психологии на страницах «Советской этнографии». Интересно, что в ее ходе ни разу не употреблялся термин «этническая идентичность» или просто «идентичность». То есть советские исследователи минимум на десятилетие отставали от своих зарубежных коллег. Пожалуй, для нашей темы важно обратить внимание лишь на высказывания В. И. Козлова, который, по сути дела, призывает отказаться от использования понятий «психический склад» этноса и «национальный характер»: «В литературе уже отмечалось, что правильнее предполагать не существование общности психического склада нации (этноса) или национального (этнического) характера, а существование некоторых этнических особенностей психики, отражающихся в специфике психической структуры того или иного народа» [Козлов, 1983, с. 76].

В самом деле, использование категории «национальный характер» предполагает перенос индивидуально-психологических качеств на членов большой социальной группы, которой является этнос или его подразделение. Таким образом, чуть ли не всем членам этой группы приписываются такие качества, как жадность или щедрость, храбрость или трусость и т. д. И тут же любой, кто имеет много знакомых в такой группе, может привести какое-то количество примеров членов группы, которые выбиваются из приписываемых этой совокупности людей качеств характера.

Однако вскоре после этой дискуссии в дискурс советских этнографов начинают проникать термины из англоязычных работ, в теоретическом фокусе которых был феномен этничности. В очередной монографии Ю. В. Бромлей знакомит советского читателя с работами американских коллег, и в частности упоминает использованный Н. Глейзером и Д. П. Мойнихеном термин «этническая идентификация» [Бромлей, 1983б]. Во вскоре появившейся статье этносоциолог Л. М. Дробижева активно пользуется понятиями «идентичность» и «идентификация» и связывает их применительно к нации с самосознанием: вычленение элементов национального самосознания, по ее мнению, «зависит от понимания национального самосознания в узком значении как национального самоопределения – идентификации или в широком» [Дробижева, 1985, с. 4], т. е. включающем помимо идентификации и другие компоненты. Далее она излагает свое понимание структуры самосознания, включая в нее вдобавок к осознанию своей этнической принадлежности, автостереотипы, или «характерные для обыденного сознания схематизированные, упрощенные представления, приписываемые всем членам общности без достаточного осознания возможных различий между ними сходные характеристики», а также представления «о родной земле, об общности исторической судьбы» [Там же, с. 7].

Затем М. В. Крюков заявил, что этническое самосознание – «вторичный признак, в той или иной мере отражающий уже сформировавшуюся этническую специфику» [Крюков, 1986, с. 66]. Нам такая позиция представляется проблематичной или, по крайней мере, не подкрепленной в достаточной мере доказательствами. Прежде всего, М. В. Крюков не объясняет нам, каким образом он соизмеряет степень соответствия самосознания этнической специфике. Можно даже предположить, что в каких-то случаях формирование этнического самосознания опережает формирование этнической специфики. Например, в испаноязычных странах Америки сначала была провозглашена политическая независимость ряда колониальных провинций. Параллельно продолжается формирование территориальных идентичностей у населения этих провинций, которые, с одной стороны, перерождаются в национальные, т. е. связанные с конкретными государствами, идентичности, а с другой стороны – превращаются в этнические идентичности, сцепленные – по аналогии со сцепленными наследственными признаками в генетике – с национальными идентичностями. И лишь через какое-то время после провозглашения независимости этих стран достигается согласованность мнений о том, что символами сложившихся этносов выступают определенные особенности материальной и духовной культуры и их комплексы: например, музыкальные и танцевальные стили конкретных стран, культура гаучо в Аргентине и Уругвае, культура питья мате в Парагвае, акцент на индейское прошлое в Перу, Гватемале, Мексике. Все это в качестве национальных и этнических особенностей начинает возникать или приобретать символическое значение уже после возникновения ядер соответствующих этносов или, по крайней мере, одновременно с тем, как эти ядра появились, но не до того.

Некоторые итоги советской дискуссии об этническом самосознании подвела кореевед Р. Ш. Джарылгасинова: «На наш взгляд, можно говорить, что в теории этноса сложилась определенная система взглядов на этническое самосознание, которую можно определить, как “теория этнического самосознания”, хотя формирование отдельных ее слагаемых продолжается» [Джарылгасинова, 1987, с. 9].

В настоящее время российские исследователи в большей степени ориентируются не столько на советские представления об этническом самосознании, сколько на западные теории идентичности. Как минимум, теперь они чаще используют термин «идентичность», чем «самосознание».

Таксономические уровни этнических общностей

Важным сюжетом является проблема таксономических уровней этнических общностей. Имея дело, так сказать, с «набором матрешек», в котором матрешки разного размера выступают аналогами разных уровней этнических общностей, исследователям не всегда просто определить, какой из уровней этого набора соответствует этносу, какой подразделениям этноса и какой таксономическому уровню над этносом, тем более что число таких уровней может доходить до полудюжины, а то и превышать ее. В качестве примера приведу литваков, или литовских евреев, некогда расселенных в пределах Литвы, Курляндии, современной Белоруссии, южной части Псковской и западной части Смоленской областей. Если следовать принципу повышения таксономического уровня, то схема получится примерно такой: литваки – восточные ашкеназы – все ашкеназы – еврей-раббаниты – все иудейские этнические общности (включая раббанитов, каримов и эфиопских бета-исраэль). В этом случае несомненной является принадлежность к еврейскому этносу потомков от всех браков внутри раббанитов. Что касается более высокого уровня, то здесь ведутся жаркие дебаты, особенно в иудейской ортодоксальной среде, но прослеживается тенденция к признанию в качестве представителей еврейского этноса даже членов двух последних общностей.

Несколько сложнее определить таксономический уровень, соответствующий этносу, допустим, для тюркских народов. Исследователи могут выстраивать весьма сложные схемы соотношения различных общностей, использующих в своем самоназвании слово «татары» в сочетании с разными прилагательными, и даже по поводу самоназвания у этих групп возможны острые дискуссии как среди ученых, так и во внеучебной среде [Татары, 2001, с. 11–15, 521]. Тем не менее такие конструкции носят очень субъективный характер, поскольку их авторы чаще всего в недостаточной степени прописывают свою аргументацию относительно места тех или иных татарских общностей в объединяющих их схемах, а самое главное – не объясняют, каким образом измерялись идентичности людей, входящих в эти общности, и представления об их иерархии.

К теоретическому осмыслению соотношения этносов, их подразделений и объединений этносов советские этнографы подошли примерно через десятилетие после возвращения понятия «этнос» в научный обиход. В 1957 г. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров предлагают закрепить родовое понятие «этническая общность», которое было бы применимо и к отдельному народу, и к части народа, и к группе близких в языковом и культурном отношении народов [Левин, Чебоксаров, 1957]. Преимущество использования данного понятия состоит в том, что при работе с малоизученным населением или в спорных случаях исследователь может обходиться без конкретизации таксономического уровня изучаемой группы в системе этнической иерархии.

Идя в фарватере предыдущих авторов, этногеографы С. И. Брук и В. И. Козлов решают, что часть народа, которая имеет какие-то культурные особенности, по сравнению с остальной частью или частями этого же народа, и к тому же

обособлена территориально, можно назвать «этнографической группой» [Брук, Козлов, 1961, с. 12, прим. 10]. Сам термин «этническая группа» был взят из американской науки, видимо, явочным порядком, т. е. без соответствующей ссылки. Американские ученые используют его по отношению к проживающим в США группам иммигрантского происхождения, а в литературе на русском языке мне приходилось встречать этот термин только как имплицитно общеупотребительный, без каких-либо отсылок к работам представителей Чикагской школы¹⁰. Однако термин был несколько переосмыслен.

С. И. Брук и В. И. Козлов попытались формализовать понятие этнической группы, закрепив его за единицами, входящими в состав этносов. Однако реализация этого замысла произошла с некоторыми важными нюансами. Это можно понять из повторного обращения Ю. В. Бромлей к вопросу о типологии этнических общностей. Он «зацепился» за энциклопедические статьи об этнической и этнографической группах. Здесь его, по-видимому, не удовлетворило отсутствие четких различий между этими группами. В энциклопедии говорилось, что под этнографическими группами понимаются скорее группы внутри народов, а этнические группы понимаются очень расплывчато, и, в частности, под ними в прошлом понимались племена [Большая советская ... , 1957, с. 247–249]. Ю. В. Бромлей предложил считать группы, обладающие сознанием своего единства, этническими, а те группы, члены которых не концентрируются на отличиях своих групп от прочих входящих в этот этнос людей, – этнографическими [Бромлей, 1972, с. 62]. Иными словами, этнографические общности, включая этнографические группы, различаются как особые коллективы не самими их членами, а изучающими их этнографами/этнологами.

Можно предположить, что Ю. В. Бромлей не был удовлетворен собственным разграничением этнических и этнографических групп внутри этноса. Иначе сложно объяснить его предложение выделять в составе этноса еще и субэтносы в качестве культурных общностей, «у которых этнические свойства выражены с меньшей интенсивностью, чем у основных этнических подразделений, и которые являются их составными частями» [Бромлей, 1973, с. 125, прим. 2а]¹¹. Позже Ю. В. Бромлей решил использовать термин «субэтнос» для обозначения того, что он раньше называл «этнической группой», а этот последний термин использовать для обозначения «осколков» этносов [Бромлей, 1981а, с. 13, прим. 12], т. е. тех частей этноса, которые оторвались от основного массива его расселения. Тем самым он сближает употребление термина «этническая группа» с тем, что имеет место в англоязычной науке.

Наконец, М. В. Крюков предложил методологическое решение для разграничения этноса и субэтноса, основанное на анализе самоназваний, установлении уровней языковой иерархии и выявлении эндогамных барьеров [Крюков, 1988, с. 19].

¹⁰ Во время моей учебы на кафедре этнографии ЛГУ заведующий кафедрой Р. Ф. Итс, который вел у нас курс «Введение в этнографию» в 1980-м г., говорил, что данный термин является некоторым рабочим определением, которое может применяться по отношению к общностям любого таксономического уровня.

¹¹ Сам термин «субэтнос» в русский научный дискурс ввел Л. Н. Гумилев в депонированной в 1978–1979 гг. рукописи, позже опубликованной в качестве монографии [Гумилев, 2001, с. 118–123]. В. И. Козлов считает Л. Н. Гумилева не только создателем этого термина, но и автором концепции «об иерархии этнических общностей в ее современном понятийном виде» [Козлов, 1988, с. 44].

Этнос, этническая идентичность и критический реализм

Критико-реалистская теория позволяет рассматривать этническую проблематику с позиций теории более высокого уровня, чем узкодисциплинарные подходы. Значительный вклад в этот подход внесла социолог М. С. Арчер, которая продемонстрировала, каким образом аналитически автономные и несводимые друг к другу сущности, такие как социальные структуры (включающие в себя социальные группы разного типа), культура (т. е. совокупность норм, ценностей и представлений) и агентность (способность отдельных людей и групп быть субъектами действия, поступать по собственной воле, способность придавать осмысленность и ценность своим действиям) воздействуют друг на друга, результатом чего является появление эмерджентных сущностей [Archer, 1995]. Теоретики критического реализма в методологическом плане обращают внимание на то, что при выявлении социальной структуры исследуемого объекта «ключевым может быть вопрос “что нельзя удалить, не заставив объект перестать существовать в его нынешней форме?”» [Explaining Society ... , 2001, p. 47]. Эмпирические данные показывают, что если убрать из концепции этноса этническую самоидентификацию, то это приведет к тому, что исследователи будут воспринимать этносы не в качестве одного из специфических типов социальных общностей, а как группирование людей, объединенных на очень разных, зачастую случайных основаниях.

Именно выявление самоидентификации членов группы позволяет на практике отличить этнос или его подразделение от групп иного типа в тех случаях, когда статус группы не является очевидным для исследователя. Этносы имеют ту особенность, что принадлежность к ним в основном передается от родителей детям на протяжении многих поколений. Даже рожденные на территории проживания не своего народа дети из моноэтнических семей чаще всего идентифицируют себя с группой (т. е. этносом) своих родителей. Точно так же в случае с этносом этническая принадлежность не будет меняться в ситуациях отличия занятий детей от занятий родителей, в ситуациях различия между родителями и детьми в сословной принадлежности (например, если сын духовного лица, купца или мещанина выслужился в дворянское сословие) или по гражданству в том или ином государстве. У большинства этносов этническая самоидентификация сохраняется и при смене религии.

Процедура определения типа общности на основе самоидентификации детей, оба родителя которых принадлежат к данной общности, по своему смыслу очень похожа на приводимый в химии анализ по отличению кислоты от других классов химических соединений: кислоты окрашивают лакмусовую бумагу в красный цвет. Такой тест ничего не говорит нам о свойствах данной кислоты. Это мы можем выяснить благодаря другим методам химического анализа. Подобно этому обнаружение того, что некоторая группа является этносом или субэтносом, не позволяет делать выводы о характерных чертах ее культуры, демографии, социальной структуры и др. Более того, представители одного и того же этноса, разделяя общую самоидентификацию, могут сильно различаться по своим характеристикам, в том числе культурным. Однако при некоторых условиях люди, объединенные общей этнической самоидентификацией, могут на этой основе действовать совместно, то есть проявлять этническую солидарность.

Смена этнической идентичности в индустриальном обществе происходит в основном благодаря брачному смешению, в результате которого прослеживаются тенденции предпочтительного выбора этнической принадлежности одного из родителей. Этнологам известны и варианты смены этнической идентичности не через брак, например, при растянувшейся на века ассимиляции группы или отделении новой группы от прежнего этнического массива. Но закономерности смены самоидентификации на индивидуальном уровне в таких случаях пока мало изучены. По-видимому, в ходе этого процесса какое-то время сохраняется параллельное использование нескольких самоназваний, пока одно из них не вытеснит остальные.

Старшие родственники с детства внушают ребенку ценность принадлежности к своему народу. М. С. Арчер применительно к вопросу о степени свободы человека в таких обстоятельствах заключает, что при принятии этнической или национальной принадлежности (а «степень свободы при их принятии может стремиться к нулю») одновременно принимаются связанные с ними ценности. И, по мнению человека, принявшего эти ценности, отказ от них может привести к потере определенных преимуществ. В качестве примера она приводит потерю статуса, дружбы, поддержки для священнослужителей, сменивших вероисповедание, для депутатов, сменивших политическую партию и т. п. [Archer, 1995, p. 212]. Этим и объясняется прочность этнической идентичности и социальных связей внутри этноса.

Заключение

С рубежа 1980–1990-х гг. теория этноса подвергалась суровой критике. Сегодня немногие решаются заявить о том, что разделяют ее основные положения. Однако российские этнологи безо всяких отсылок к первоисточникам продолжают активно использовать в своих работах понятия «этнос», «этническое самосознание», «этнические процессы», «субэтнические группы» и множество других, введенных в ходе работы над этой теорией¹².

С нашей точки зрения, основными слабыми местами этой теории являются попытки привязать типологию этнических общностей к историческим стадиям развития общества, а конкретнее к марксовым общественно-экономическим формациям, строго соотносить групповые признаки этноса с его культурными характеристиками, включая язык, а также выведение за рамки этой теории агентности, при сохранении в ее составе структурных (в данном случае принадлежность к группе) и культурных составляющих.

Завершая статью, еще раз подчеркнем, что к советской теории этноса не следует относиться как к построениям, представляющим сегодня лишь исторический интерес. Внимательное прочтение позволяет извлечь из нее множество идей, которые можно включать в современные теоретические конструкции, разумеется, при соответствующем критическом переосмыслении.

¹² Опубликованная в прошлом году статья о теориях этноса [Верховцев, 2022] и последовавшие комментарии оппонентов в том же номере «Этнографического обозрения» демонстрируют неспособность российских этнологов выйти за теоретические рамки своей дисциплины.

Список литературы

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 322 с.
- Большая советская энциклопедия. М.: Большая сов. энцикл., 1957. Т. 49: Элохвенция – Яя. 797 с.
- Бромлей Ю. В. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР // Советская этнография. 1970. № 1. С. 3–15.
- Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // Советская этнография. 1972. № 5. С. 61–91.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 280 с.
- Бромлей Ю. В. Основные виды историко-культурных общностей и тенденции их динамики // Советская этнография. 1981а. № 1. С. 10–23.
- Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981б. 390 с.
- Бромлей Ю. В. К типологизации этнических процессов // Очерки теории этноса. М., 1983а. С. 233–243.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983б. 412 с.
- Бромлей Ю. В. Современные этносоциальные процессы у восточнославянских народов СССР // Советская этнография. 1985. № 4. С. 3–12.
- Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 333 с.
- Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Этнические процессы как предмет исследования (Предварительные замечания) // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 10–24.
- Брубейкер Р. Этничность без групп // Этничность без групп. М., 2012. С. 22–60.
- Брук С. И., Козлов В. И. Основные проблемы этнической картографии // Советская этнография. 1961. № 5. С. 9–26.
- Брусина О. И. Конструирование татарской идентичности и воспроизводство этничности у астраханских туркмен // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 167–191. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040091>
- Вебер М. Нация // Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. М., 2017. Т. 2: Общности. С. 292–296.
- Верховцев Д. В. Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069>
- Винер Б. Е. Противоречия советской теории этноса: история концепции и ее перспективы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. 37–51. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.37>
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 638 с.
- Гурвич И. С. Современные направления этнических процессов в СССР // Советская этнография. 1972. № 4. С. 16–34.
- Джарылгасинова Р. Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы) // Советская этнография. 1987. № 4. С. 9–22.
- Дробижева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5. С. 3–16.
- Дюркгейм Э. Правила социологического метода. М.: АСТ, 2021. 382 с.
- Козлов В. И. К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР // Советская этнография. 1961. № 4. С. 58–73.
- Козлов В. И. О понятии этнической общности // Советская этнография. 1967. № 2. С. 100–111.
- Козлов В. И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 95–109.
- Козлов В. И. Современные этнические процессы в СССР (к методологии исследования) // Советская этнография. 1969а. № 2. С. 60–72.
- Козлов В. И. Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969б. 407 с.
- Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79–92.
- Козлов В. И. О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии // Советская этнография. 1983. № 2. С. 74–79.
- Козлов В. И. О соотношении этноса и языка в системе этнической иерархии // Расы и народы. М.: Наука, 1988. Вып. 18. С. 44–45.
- Колесницкий Н. Ф. Донациональные этнические общности (на материале средневековой Германии) // Расы и народы. М.: Наука, 1978. Вып. 8. С. 21–46.
- Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. М.: Наука, 1976. Вып. 6. С. 43–63.
- Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3. С. 58–69.
- Крюков М. В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. М.: Наука, 1988. Вып. 18. С. 5–21.
- Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 280 с.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Общие сведения (языки, расы, народы) // Очерки общей этнографии. М., 1957. Вып. 1: Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка. С. 5–56.
- Современная американская этнография: теоретические направления и тенденции / отв. ред. Ю. В. Ефимов, Ю. П. Аверкиева. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 288 с.
- Современные этнические процессы в СССР / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1977. 561 с.
- Соколовский С. В. Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 3–17.
- Соколовский С. В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 2005. Вып. 11. С. 144–167.

- Соколовский С. В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 384 с.
- Старовойтова Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса населения трех городов Татарской АССР) // Советская этнография. 1976. № 3. С. 45–56.
- Татары / отв. ред.: Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. М.: Наука, 2001. 582 с.
- Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 542 с.
- Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 13–35.
- Хомич Л. В. О содержании понятия этнические процессы // Советская этнография. 1969. № 5. С. 79–87.
- Чебоксаров Н. Н. Проблемы происхождения древних и современных народов (вступительное слово на симпозиуме). М.: Наука, 1964. 19 с.
- Шелепов Г. В. Общность происхождения – признак этнической общности // Советская этнография. 1968. № 4. С. 65–74.
- Этнические процессы в современном мире / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1987. 446 с.
- Archer M. S. *Realist social theory: the morphogenetic approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 354 p.
- Bhaskar R. A *Realist Theory of Science*. London: Verso, 1975. 304 p.
- Explaining Society: Critical Realism in the Social Sciences / B. Danermark, M. Ekström, L. Jakobsen, J. C. Karlsson. London; New York: Routledge, 2001. 242 p.
- Hacking I. *The Social construction of what?* Cambridge: Harvard University Press, 1999. 261 p.
- Hogg M. A., Abrams D. *Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes*. London; New York: Routledge, 1988. 288 p.
- Horowitz D. L. *Ethnic identity // Ethnicity: Theory and Experience*. Cambridge, 1975. P. 111–116.
- Jenkins R. *Rethinking Ethnicity*. Los Angeles: Sage Publications, 2008. 224 p.
- Keat R., Urry J. *Social Theory as Science*. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1975. 278 p.
- Petersen W. *Concepts of ethnicity // Harvard Encyclopedia of Ethnic Group*. Cambridge, 1980. P. 240–241.
- Potter G., Lópes J. *After postmodernism: the new millennium // After Postmodernism: An Introduction to Critical Realism*. London; New York, 2001. P. 1–16.
- Ritzer G. *Sociological Theory*. New York: The McGraw-Hill Companies, Inc., 1996. 757 p.
- Ruane J., Todd J. *The roots of intense ethnic conflict may not in fact be ethnic: categories, communities and path dependence // European Journal of Sociology*. 2004. Vol. 45, N 2. P. 209–232.
- Sjoberg G., Nett R. *A Methodology for Social Research*. New York: Harper & Row, 1968. 355 p.
- Turner J. C. *Towards a cognitive redefinition of the social group // Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge; Paris, 1982. P. 15–40.

References

- Archer M. S. *Realist social theory: the morphogenetic approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 354 p.
- Berger P. L., Lukman T. *Sotsialnoe konstruivovanie realnosti [The Social Construction of Reality]*. Moscow, Medium Publ., 1995, 322 p. (In Russ.)
- Bhaskar R. A *Realist Theory of Science*. London, Verso Publ., 1975, 304 p.
- Bolshaya sovetskaya entsyklopediya [Great Soviet Encyclopedia]*. Moscow, Bolshaya sovetskaya entsyklopediya Publ., 1957, Vol. 49: *Elokventsiya – Yaya [Eloquence – Yaya]*, 797 p. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. *Leninism i osnovnye tendentsii etnicheskikh protsessov v SSSR [Leninism and the main tendencies of ethnic processes in the USSR]*. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1970, Is. 1, pp. 3–15. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. *Opyt tipologizatsii etnicheskikh obshchnostei [Experience of typologization of ethnic communities]*. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1972, Is. 5, pp. 61–91. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. *Etnos i etnografiya [Etnos and Ethnography]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, 280 p. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. (Ed.). *Sovremennyye etnicheskie protsessy v SSSR [Contemporary Ethnic Processes in the USSR]*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 561 p. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. *Osnovnye vidy istoriko-kulturnykh obshchnostei i tendentsii ikh dinamiki [The major types of historical and cultural communities and trends in their dynamics]*. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1981a, Is. 1, p. 10–23. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. *Sovremennyye problemy etnografii (ocherki teorii i istorii) [Contemporary Problems of Ethnography (Essays on Theory and History)]*. Moscow, Nauka Publ., 1981b, 390 p. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. *K tipologizatsii etnicheskikh protsessov [To the typology of ethnic processes]*. *Ocherki teorii etnosa [Essays on the Theory of Ethnos]*. Moscow, 1983a, pp. 233–243. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. *Ocherki teorii etnosa [Essays on the Theory of Ethnos]*. Moscow, Nauka Publ., 1983b, 412 p. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. *Sovremennyye etnosotsialnye protsessy u vostochnoslavianskikh narodov SSSR [Contemporary ethno-social processes among the East Slavic peoples of the USSR]*. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1985, Is. 4, pp. 3–12. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. (Ed.). *Etnicheskie protsessy v sovremennoy mire [Ethnic Processes in the Contemporary World]*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 446 p. (In Russ.)
- Bromlei Yu. V. *Etnosotsialnye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost [Ethnosocial Processes: Theory, History, Contemporaneity]*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 333 p. (In Russ.)
- Bromley Yu. V., Kozlov V. I. *Etnicheskie protsessy kak predmet issledovaniya (Predvaritelnye zamechaniya) [Ethnic processes as a subject of research (preliminary remarks)]*. *Sovremennyye etnicheskie protsessy v SSSR [Contemporary Ethnic Processes in the USSR]*. Moscow, 1977, pp. 10–24. (In Russ.)

- Brubeiker R. Etnichnost bez Grup [Ethnicity without Groups]. *Etnichnost bez grup [Ethnicity Without Groups]*. Moscow, 2012, pp. 22–60. (In Russ.)
- Bruk S. I., Kozlov V. I. Osnovnye problemy etnicheskoi kartografii [Major problems of ethnic cartography]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1961, Is. 5, pp. 9–26. (In Russ.)
- Brusina O. I. Konstruirovaniye tatarskoi identichnosti i vosproizvodstvo etnichnosti u astrakhanskikh turkmen [The construction of the Tatar identity and ethnic survival of the Astrakhan Turkmen]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 2022, Is. 4, pp. 167–191.
<https://doi.org/10.31857/S0869541522040091>
- Cheboksarov N. N. *Problemy proiskhozhdeniya drevnikh i sovremennykh narodov (vstupitelnoe slovo na simposiume) [Problems of the Origin of Ancient and Modern Peoples (Introductory Speech at the Symposium)]*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 19 p. (In Russ.)
- Danermark B., Ekström M., Jakobsen L., Karlsson J. C. *Explaining Society: Critical Realism in the Social Sciences*. London, New York, Routledge, 2001, 242 p.
- Drobizheva L. M. Natsionalnoe samosoznanie: baza formirovaniya i sotsialno-kulturnye stimuly razvitiya [National self-consciousness: base of formation and socio-cultural impetuses for development]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1985, Is. 5, pp. 3–16. (In Russ.)
- Dzharylgasimova R. Sh. Teoriya etnicheskogo samosoznaniya v sovetskoj etnograficheskoi nauke (osnovnye aspekty problemy) [The theory of ethnic self-consciousness in the Soviet ethnological science (main aspects of the problem)]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1987, Is. 4, pp. 9–22. (In Russ.)
- Dyurkgeim E. *Pravila sotsiologicheskogo metoda [The Rules of Sociological Method]*. Moscow, AST Publ., 2021, 382 p. (In Russ.)
- Efimov Yu. V., Averkieva Yu. P. (Eds.). *Sovremennaya amerikanskaya etnografiya: teoreticheskie napravleniya i tendetsii [Modern American Ethnography: theoretical directions and trends]*. Moscow, AS USSR Publ., 1963, 288 p. (In Russ.)
- Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]*. St. Petersburg, Kristall Publ., 2001, 638 p. (In Russ.)
- Gurvich I. S. Sovremennyye napravleniya etnicheskikh protsessov v SSSR [Contemporary tendencies of ethnic processes in the USSR]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1972, Is. 4, pp. 16–34. (In Russ.)
- Hacking I. *The Social construction of what?* Cambridge, Harvard University Press, 1999, 261 p.
- Hogg M. A., Abrams D. *Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes*. London, New York, Routledge, 1988, 288 p.
- Horovitz D. L. Ethnic identity. *Ethnicity: Theory and Experience*. Cambridge, 1975, pp. 111–116.
- Jenkins R. *Rethinking Ethnicity*. Los Angeles, Sage Publications, 2008, 224 p.
- Keat R., Urry J. *Social Theory as Science*. London, Boston, Routledge & Kegan Paul, 1975, 278 p.
- Khomich L. V. O sodержanii ponyatiya etnicheskikh protsessov [On the content of the concept of ethnic processes]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1969, Is. 5, pp. 79–87. (In Russ.)
- Kolesnitskii N. F. Donatsionalnye etnicheskie obshchnosti (na materiale srednevekovoi Germanii) [Pre-national ethnic communities (on the material of medieval Germany)]. *Rasy i narody [Races and Peoples]*. Moscow, Nauka Publ., 1978, Is. 8, pp. 21–46. (In Russ.)
- Kozlov V. I. K voprosu ob izuchenii etnicheskikh protsessov u narodov SSSR [On the question of the study of ethnic processes among the peoples of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1961, Is. 4, pp. 58–73. (In Russ.)
- Kozlov V. I. O ponyatii etnicheskoi obshchnosti [On the concept of ethnic community]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1967, Is. 2, pp. 100–111. (In Russ.)
- Kozlov V. I. Tipy etnicheskikh protsessov i osobennosti ikh istoricheskogo razvitiya [Types of ethnic processes and specific features of their historical development]. *Voprosy istorii [Questions of History]*. 1968, Is. 9, pp. 95–109. (In Russ.)
- Kozlov V. I. Sovremennyye etnicheskie protsessy v SSSR (k metodologii issledovaniya) [Contemporary ethnic processes in the USSR (toward a research methodology)]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1969a, Is. 2, pp. 60–72. (In Russ.)
- Kozlov V. I. *Dinamika chislennosti narodov: metodologiya issledovaniya i osnovnye faktory [Dynamics of numerical strength for peoples: research methodology and main factors]*. Moscow, Nauka Publ., 1969b, 407 p. (In Russ.)
- Kozlov V. I. Problema etnicheskogo samosoznaniya i ee mesto v teorii etnosa [The problem of ethnic self-consciousness and its place in the theory of ethnos]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1974, Is. 2, pp. 79–92. (In Russ.)
- Kozlov V. I. O nekotorykh metodologicheskikh problemakh izucheniya etnicheskoi psikhologii [On some methodological problems of studying ethnic psychology]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1983, Is. 2, pp. 74–79. (In Russ.)
- Kozlov V. I. O sootnoshenii etnosa i yazyka v sisteme etnicheskoi ierarkhii [About the relation of ethnicity and language in the system of ethnic hierarchy]. *Rasy i narody [Races and Peoples]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, Is. 18, pp. 44–45. (In Russ.)
- Kryukov M. V. Evolyutsiya etnicheskogo samosoznaniya i problema etnogenez [The evolution of ethnic identity and the problem of ethnogenesis]. *Rasy i narody [Races and Peoples]*. Moscow, Nauka Publ., 1976, Vol. 6, pp. 43–63. (In Russ.)
- Kryukov M. V. Eshche raz ob istoricheskikh tipakh etnicheskikh obshchestev [Once again about the historical types of ethnic communities]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1986, Is. 3, pp. 58–69. (In Russ.)
- Kryukov M. V. Etnos i subsetnos [Etnos and subsetnos]. *Rasy i narody [Races and Peoples]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, Is. 1, pp. 5–21. (In Russ.)
- Kushner (Knyshev) P. I. *Etnicheskie territorii i etnicheskie graniitsy [Ethnic Territories and Ethnic Borders]*. Moscow, AS USSR Publ., 1951, 280 p. (In Russ.)
- Levin M. G., Cheboksarov N. N. Obshchaya informatsiya (yazyki, rasy, narody) [General information (languages, races, peoples)]. *Ocherki obshchei etnografii [Essays on General Ethnography]*. Moscow, 1957, Is. 1. Obshchie svedeniya. Avstraliya i Okeaniya,

- Amerika, Afrika [General information. Australia and Oceania, America, Africa], pp. 5–56. (In Russ.)
- Petersen W. Concepts of ethnicity. *Harvard Encyclopedia of Ethnic Group*. Cambridge, 1980, pp. 240–241.
- Potter G., López J. After postmodernism: the new millennium. *After Postmodernism: An Introduction to Critical Realism*. London, New York, 2001, pp. 1–16.
- Ritzer G. *Sociological Theory*. New York, The McGraw-Hill Companies, Inc., 1996, 757 p.
- Ruane J., Todd J. The roots of intense ethnic conflict may not in fact be ethnic: categories, communities and path dependence. *European Journal of Sociology*. 2004, Vol. 45, Is. 2, pp. 209–232.
- Shelepov G. V. Obshchnost proiskhozhdeniya – priznak etnicheskoi obshchnosti [Common origin is a sign of ethnic community]. *Sovetskaya Etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1968, Is. 4, pp. 65–74. (In Russ.)
- Sjoberg G., Nett R. *A Methodology for Social Research*. New York, Harper & Row, 1968, 355 p.
- Sokolovskii S. V. Paradigmy etnologicheskogo znaniya [Paradigms of ethnological knowledge]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 1994, Is. 2, pp. 3–17. (In Russ.)
- Sokolovskii S. V. Instituty i praktiki proizvodstva i vosproizvodstva etnichnosti [Institutions and practices for production and reproduction of ethnicity]. *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii [Ethnomethodology: Problems, Approaches, Conceptions]*. Moscow, 2005, Is. 11, pp. 144–167. (In Russ.)
- Sokolovskii S. V. *Antropologicheskoe znanie v pravovom i politicheskom diskursakh: dis. ... d-ra ist. nauk [Anthropological Knowledge in Legal and Political Discourses. Cand. histor. sci. diss.]*. Moscow, 2009, 384 p. (In Russ.)
- Starovoitova G. V. K issledovaniyu etnopsikhologii gorodskikh zhytelei (po materialam oprosa naseleniya trekh gorodov Tatarskoi ASSR) [On the study for ethnopsychology of urban residents (based on a survey of the population of three cities of the Tatar ASSR)]. *Sovetskaya Etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1976, Is. 3, pp. 45–56. (In Russ.)
- Tishkov V. A. *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsialno-kulturnoi antropologii [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-cultural Anthropology]*. Moscow, Nauka Publ., 2003, 542 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. K postanovke problem etnogeneza [On the formulation of the problems for ethnogenesis]. *Sovetskaya Etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1949, Is. 3, pp. 13–35. (In Russ.)
- Turner J. C. Towards a cognitive redefinition of the social group. *Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge, Paris, 1982, pp. 15–40.
- Urazmanova R. K., Cheshko S. V. (Eds.). *Tatary [Tatars]*. Moscow, Nauka Publ., 2001, 582 p. (In Russ.)
- Verkhovtsev D. V. Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoyazychnom diskurse [Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 2002, Is. 6, pp. 79–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069>
- Weber M. Natsiya [Nation]. *Khozyaistvo i obshchestvo: Ocherki ponimayushchei sotsiologii [Economy and Society: An Outline in Interpretive Sociology]*. Moscow, 2017, Vol. II. Obshchnosti [Communities], pp. 292–296. (In Russ.)
- Wiener B. E. Protivorechiya sovetskoi teorii etnosa: istoriya kontseptsii i ee perspektivy [Contradictions of the Soviet theory of ethnos: the history of the concept and its prospects]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2022, Vol. 40, pp. 37–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.37>

Сведения об авторе

Винер Борис Ефимович

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14 e-mail: wienerras@yandex.ru

Information about the author

Wiener Boris Efimovich

Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute RAS – a Branch of the Federal Research Sociological Center RAS; 25/14, 7th Krasnoarmeiskaya st., St. Petersburg, 195005, Russian Federation e-mail: ivanov@yandex.ru